



Несколько слов по поводу разбора о. Э—рским книги «Начатки учения православной христианской веры»

(Руководство для сельских пастырей, № 49-й 1874 г.)

В прошедшем 1874 году издал я книгу под означенным заглавием. Поводом к изданию её послужило следующее: состоя несколько лет председателем местного училищного совета, стоя лицом к лицу к народу, внимательно следя за народными школами и за степенью развития учащихся в них, я заметил, что дети всего лучше усвоят закон Божий, если уроки по нему ведутся в простой безыскусственной беседе. Согласно программе, одобренной Святейшим Синодом 24 сентября 1864 года (в которой обучение закону Божию начинается с молитв), я предположил *сперва* издать книгу — объяснения молитв с предшествующими к ним беседами, чтобы *потом* в том же духе издать священную историю Ветхого и Нового Завета и подробное объяснение символа веры и заповедей. Решившись издать эту книгу, я принял в соображение то обстоятельство, что не многие крестьянские мальчики оканчивают полный курс учения, а большая часть из них оставляют школу после года и много двух лет, и потом снова возвращаются в свою крестьянскую семью, у которой единственную всегдашнюю школу религиозного развития бывает местный храм Божий, куда она приходит молиться. Это обстоятельство побудило меня обратить особенное внимание на изъяснение молитв церковных, чтобы таким образом провести свет и в семью, и тем яснее показать связь школы с семьёй. В распределении молитв я держался естественного порядка жизни детей. Сперва их развитие совершается под влиянием семьи и здесь они молятся вместе с матерью утром, пред столом и после стола, и вечером, отходя ко сну: это разряд молитв семейных. Из дому дитя идёт учиться в школу, и здесь молится с учителем пред учением и после учения: это молитвы школьные; из дома и школы оно идёт молиться в церковь: это молитвы церковные и — богослужение. Дитя, кроме того, есть подданный царя и сын отечества; отсюда явилась нужда объяснить молитву за царя и отечество. Таким образом выходило, что каждое дитя есть член семьи, церкви и отечества. Что касалось формы изложения, то я счёл полезным пред каждою молитвой поставить картину, изображающую время совершения известной молитвы, чтобы она послужила поводом к беседе и с первого же раза показывала детям, о какой молитве будет вестись речь. В беседе я предлагал вопросы и ответы, касающиеся содержания объясняемой молитвы; затем излагал самую молитву с объяснением не вполне понятных слов и целых предложений. Отдавая свою рукопись в цензуру в Московской академии, я счёл нужным испросить взгляда на свой труд у известного нашего богослова и истолкователя слова Божия, отца архимандрита Михаила. Он одобрил распределение молитв, но заметил — лучше бы было, если бы я церковные молитвы поставил во главе всех молитв. «Православная церковь наша, — сказал он, — есть центр, куда сходятся и откуда получают себе освящение и члены семьи, учащие, учащиеся и сыны отечества». Я принял этот совет и хотел воспользоваться им при 2-м издании книги. Редакция «Православного обозрения», которой я тоже высказывал содержание своего нового труда, одобрила его. Таким образом книга моя вышла в свет. Я поджидал, как о ней отзовутся в журналах и насколько окажется она полезною в практике. Первое доброе слово о книге было сказано в «Церковно-общественном вестнике» (№ 26-й 1874 года); потом добрый отзыв о ней сказался в библиографическом листке «Воскресного чтения» (№ 6-й). Затем я стал получать со всех сторон самые благоприятные отзывы от законоучителей, начальниц и попечительниц народных

с. 30

с. 31

* Свирелин, А. И. Несколько слов по поводу разбора о. Э—рским книги «Начатки учения православной христианской веры» / А. И. Свирелин // Листок духовной библиографии и журналистики. — 1875. — Февраль (№ 2). — С. 30—36.

школ, от училищных советов и инспекторов народных училищ. Было бы, конечно, суетностью излагать все эти отзывы; но не могу при настоящем случае не привести отзыва компетентного лица, инспектора народных училищ г. С—ва. Он писал: «С большим удовольствием прочёл я вашу книжку и нахожу в ней неоспоримые достоинства. Я даже практиковал её между детьми в школе, где она оказалась весьма полезною. Группировка молитв прекрасна, ясна и отвечает всем житейским потребностям. В противоположность механическому заучиванию, у вас везде проведена молитва сознательная, приуроченная к известному месту и времени» и прочее. После таких отзывов я только благодарил Бога, что мой труд приносит пользу обучающемуся юношеству; потому что, издавая книгу, я ничего не желал кроме пользы, не имел даже мысли о приличном вознаграждении за труд, и назначил такую цену книге, которая едва, едва только покрывала расходы по изданию.

И вот среди получаемых отовсюду добрых отзывов о книге, после засвидетельствованной пользы от неё для учащихся, в № 19-м «Руководства для сельских пастырей» за прошлый год появился приговор моей книге, изречённый отцом Э—рским: «книга о. Свирелина непригодна ни для семьи, ни для школы». Вот, подумал я, явился серьёзный знаток дела! Читаю и поражаюсь: одно голословие, одни трескучие фразы, одно напускное красноречие, одно пустое казанье себя. Если отец Э—рский следит за современною литературою, то, конечно, читал и добрые отзывы о моей книге — и вот это и заставило его, вероятно, высказать свой взгляд, неподходящий под взгляды других, чтобы тем явить себя миру: *ессе quomodo nostri flaunt!* Не хотелось бы вступать в полемику с отцом Э—рским, потому что польза книги моей признана несомненною и засвидетельствована фактически; но так как отец Э—рский в самом деле считает себя почему-то компетентным рецензентом книг по закону Божию и навязывается с своим взглядом на обучение закону Божию, так ещё неопределённым, сбивчивым и в практике непроверенным; то в видах пользы для общего дела считаю нужным сказать несколько слов на его 5-ть стрел, которыми он желал уязвить мою книгу.

«Программа (моя), — пишет отец Э—рский, — во-первых, нецелесообразна и неосновательна». Я нарочно поместил выше историю составления и изложения моей книги, чтобы предоставить судить о заключениях отца Э—рского. Что же в книжке моей нецелесообразного и неосновательного? У меня помещены в ней первые приёмы религиозного развития ребёнка в семье (начиная с сложения крестного знамени), в школе и церкви. С чего обыкновенно и начинают в каждой христианской семье это развитие, как не с молитвы? Какая мать-христианка, молясь сама, не ставит вокруг себя и детей своих на молитву? Что она говорит им, ведя их с собою в церковь, как не то: «Молитесь, деточки, в церкви!» И вот у меня объяснены молитвы и семейные, и церковные. Что же нецелесообразного и неосновательного? Кажется, очень целесообразно и основательно, когда отвечает и потребности и христианскому обычаю. Послушаем отца Э—рского, почему программа моя нецелесообразна и неосновательна. «В моей-де книге нет библейских и евангельских (евангелие не относится к библии?) рассказов, а они-де более доступны детскому уму и возбуждают в детях *интерес* (?) более, чем отвлечённые объяснения первоначальных религиозных истин и молитв церковных». Не угодно ли кому последовать этой целесообразной и основательной программе отца Э—рского? Я стараюсь о том, чтобы прямо осмыслить то великое христианское дело молитвы в семье, которое совершается в каждой хате крестьянина; а отец Э—рский хочет загроздить дело молитвы библейскими рассказами. Мать семейства станет, например, на молитву с детьми — её следует остановить, если она не передала им библейских рассказов. Отец Э—рский опирается на свою, неизвестно где патентовавшую педагогику, но в самом деле пускает только пыль в глаза. По его взгляду, без библейских рассказов изучение и объяснение молитв не достигнет своей цели. А я говорю: достигнет, непременно достигнет! Молитва есть главным образом излияние благоговейных чувств наших к Богу. И кто не испытал на себе, особенно в детстве, что к этому благоговейному излиянию чувств располагают не педагогические приёмы и правила, а примеры лиц, благоговейно молящихся, и особенно примеры, близкие нам, примеры отца и матери? Как ни ломай себе голову, мнящаяся педагогика, как ни задавайся педагог *интересами*; а ведь нельзя истребить обычая христианской семьи, чтобы она не молилась поутру, пред столом и после, и отходя ко сну: иначе разрушит в самом корне дух православия. Не прямее ли в таком случае беседовать о тех молитвах, которые употребительны в каждой семье, не загромождая их непрямо к ним относящимися рассказами? Библейские рассказы рекомендует отец Э—рский? Но пусть он приведёт нам рассказ библейский, который бы прямо относился к изъяснению содержания, например, утренней молитвы: «от сна восстав» или вечерней: «Господи Боже наш», или молитв пред учением? Конечно, не приведёт, потому что нет такого рассказа. А если так,

то не целесообразнее ли вести безыскусственные беседы прямо о молитве, чем обращаться к рассказам, которых нет? От бесед о молитве отец Э—рский не ожидает пользы изъяснения молитвы, — а рассказам библейским, которые не относятся прямо к молитве — усваивает всю пользу изъяснения. Странно! Молитва всё-таки останется молитвой, а рассказ — рассказом. Соединение библейских рассказов с изучением молитв в практике оказывается делом непригодным и только спутывающим и самого преподавателя, и учеников. Ведите благоговейно, сердечно беседы о молитве; ваш пример возгреет благоговейное чувство детское, для которого понятна и ясна будет молитва; верьте этому. В этом духе составлена и программа преподавания закона Божия от Святейшего Синода; и, стало быть, мудрствовать паче, г. рецензент, нечего.

Вторая стрела отца Э—рского подобна первой, даже не что иное, как повторение первой. Не знаю, почему ему вздумалось означать её № 2-м. Он говорит, «что объяснения молитв, хотя бы низведены были до безыскусственной *задушевной* беседы бабушки со внуком, без рассказов из священной истории, будут только приняты одною памятью, а не сердцем». Ведь правда, что *idem per idem*? Мы показали выше, что таких рассказов из священной истории, которые бы прямо объясняли содержание изучаемой молитвы, нет; а потому странно, как эти рассказы могут способствовать тому, чтобы молитва принята была сердцем? Впечатления, полученные от рассказов, если они будут, помогут только усвоению самого рассказа, а не молитвы. Отец Э—рский упоминает о беседе бабушки со внуком. В моей книге такой беседы нет (зри стр. 14), а есть только картина, изображающая молитвенное положение бабушки со внуком пред столом. Но это между прочим; дело не в том. Отец Э—рский отрицает на восприимчивую душу ребёнка действие и безыскусственной, задушевной беседы с ним. Это уж из рук вон. Не напился ли отец Э—рский теориями из педагогики индийцев? Если где имеет всю силу действия задушевная беседа матери с ребёнком, или бабушки со внуком, или самого учителя с учеником, то это в деле молитвы. Молитва, как показано выше, есть беседа с Богом, есть благоговейное излияние чувств к Богу; а чувства, особенно неиспорченной детской души, ничем лучше не могут возгреваться, как чувством же. Об этом даже знали язычники. Слыхали, отец рецензент, стих Горация: *Si vis me flere dolendum est primum tibi ipsi*? Дорожите этою задушевною беседою; она несравненно больше окажет доброго действия на душу дитяти, чем ваши рассказы; введите душу его в молитвенное, благоговейное чувство, применительно к месту и времени, — и внутренний акт молитвы совершится в нём; внешнее выражение молитвы — в молитвенном слове сделается близким и понятным и его детскому уму. Впрочем, отцу Э—рскому захотелось только меня уязвить; по отношению к другим он проповедует другое, именно согласное со мной. Например, разбирая тут же книгу о. Менжелея, он говорит: «по *нашему* (?) понятию, если не библейскими рассказами начинать преподавание закона Божия, то непременно беседами о предметах»... Не узнаю вас после этого, честный отче! Как это вы с великими претензиями на педагога не установите сами в себе одной точки зрения? Ну, если вы говорите отцу Менжелею по совести — почему же со мной вы иначе трактуете? Возьмите мою книжку и посмотрите хорошенько: ведь у меня каждой молитве предшествует беседа, притом простая, безыскусственная, задушевная? Зачем же поворачиваться туда и сюда?

с. 34

Под № 3-м отец Э—рский говорит, что «наглядность, требуемая основными законами обучения, невыполнима при той постановке дела, какую предлагаю я, что будто бы я сам чувствовал это, и потому счёл нужным приложить картинки». Вот уж никогда не чувствовал того, что навязывает мне отец Э—рский. Постановка дела в книжке у меня самая простая, естественная. Сначала ставлю картину для того, чтобы она дала мне повод к беседе о той молитве, которую выражает картина; потом излагаю беседу, имеющую предметом выяснение содержания молитвы; далее ставлю самую молитву на славянском и русском языках; наконец объясняю самые слова молитвы, не вполне понятные. Что же тут невыполнимого, что тут неуместного? Не понимаю. Мой критик говорит, «что картины не помогают делу, так как-де сверхчувственные, отвлечённые понятия, непонятные слова молитв остаются всё-таки недоступными детскому уму, не идущему далее чувственного восприятия и образных представлений. Поможет ли картинка после стола тому, что надобно благодарить Бога за пищу?.. Тогда как если мы начинаем наставление в вере и нравственности рассказами из священной истории, требование наглядности выполняется уже самими библейскими рассказами». Здесь рецензент просто зарпортовался, говорил, говорил — и ровно ничего нового не сказал: *idem per idem* — опять. Вот если бы я только поставил картинку и молитву без объяснения, тогда его слова имели бы ещё некий смысл. Но у меня картина служит только поводом к беседе о молитве — стало быть, нечего и толковать о том, чтобы она объясняла молитву. Отец Э—рский спрашивает: поможет ли картинка после стола тому, что надобно благодарить Бога за пищу? Да и цель постановки картины у меня

не эта; дитя, глядя на неё, узнаёт в ней обед и видит молящегося после обеда: вот и повод к беседе об этой молитве — вот и главная задача картинки; кроме того, впечатления самой беседы картиною могут глубже и твёрже укореняться в детской душе и восминаться при одном взгляде на картину. Интересно знать, какой бы вы библейский рассказ преподнесли для объяснения благодарной молитвы после стола? Фантазия у вас сильна, отец Э—рский; умерьте её да пожалуйста в школу; тогда увидите на практике, как дети самого низшего возраста хорошо объяснят вам молитву после стола. Я писал свою книгу не очертя голову, а брал для себя уроки прямо с практики.

с. 35

Под № 4-м отец Э—рский требует от меня объяснения, «какими педагогическими соображениями докажу я уместность в начальном курсе закона Божия целого отдела о богослужении, когда изъяснение его составляет средину полного гимназического курса и предлагается в III классе»? Соображения эти я представил выше. Пожалуй, повторю и здесь. Многие из учеников обучаются в школе только год, или много два, и возвращаются после в свою семью. Вот и хотелось мне не отпускать их из школы с пустыми руками; вот я и обратил особое внимание на изъяснение богослужения, чтобы внести чрез учеников просветительный дух в самую семью, для которой единственною школою религиозного развития служит храм Божий. Всякому известно, что наш крестьянин любит петь более употребительные песнопения не только литургии, но и вечерни и утрени. Плотник действует топором, пилою, — зазвонит к службе церковной — он запоёт применительно времени знакомую песнь церковную. Крестьянин пашет в поле — и тоже запоёт, особенно во время службы. Почему же и не обратить на это особенного внимания? И я назначал свою книгу не для школы только, но и семьи. Здравая педагогика должна не игнорировать добрые проявления жизни крестьянина, а развивать их и просвещать. Отец Э—рский ссылается на гимназическую программу III класса и докладывает, что ученики этого класса не без труда усвоят церковные песнопения. Мне какое дело до этого? Кто не знает, что баричи всегда менее знают церковных песней, чем простой, усердный к церкви Божией крестьянин? У вас, отец Э—рский, гимназисты III класса с трудом могут одолеть то, что у меня показано в книжке; а я пригласил бы вас в любую школу Переславского уезда — и вы убедились бы лично, с какою любовью и усердием крестьянские мальчики стали бы вам читать и объяснять песнопения церковные. Но, однако, посмотрим, что в моей книжке значится по объяснению богослужения? 9 листов (стр. 31—48) заключают в себе беседы об устройстве храма и его принадлежностях. Предметы эти очень доступны детскому уму, особенно если беседы о них будут вестись законоучителем в самом храме. Если этот материал разложить на 3 урока, то и довольно будет. В объяснении служб церковных, на 4 листах (51—58), объяснены молитвы: «Слава тебе, Боже наш, Царю небесный, Пресвятая Троице, Отче наш». В утреннем богослужении помещена песнь: «Взбранной воеводе». В денных службах, на 2 листах (стр. 67—72), помещено объяснение «символа веры, достойно есть»; в вечерних службах: «свете тихий, ныне отпускаеши». Так что, если обратиться к исчислению, то цифры вот что покажут: изъяснение богослужения занимает всего 52 страницы; из них на 32-х изложены объяснения таких молитвословий и песнопений, которые значатся в каждом учебнике, — и 20 страниц, хотя не обязательных, но для моей цели необходимых. Отец Э—рский подсмеивается надо мной и отпускает каламбур такого рода: «усердие о. Свирелина как можно скорее научить детей, как можно больше сообщить сведений, желание, чтобы они выучили как можно больше молитв (какая, подумаешь, плодovitость в словах!), напоминает усердие матери или няни разом на целый день накормить дитя, или же желание больного поскорее вылечиться от болезни и *выпивающие* (?) разом прописанное ему лекарство для приёма чрез час по ложке». Ну, где же найдёт отец Э—рский такую мать или няню, и такого больного? И, вероятно, отец не вспоминает, а просто фантазирует и любитесь, как он острит. Напротив, сам он живо изображает нам ту гувернантку с синими очками и стриженными волосами, которая, если бы её воспитанник запел, например, песнь «иже херувимы», говорит ему: «оставь, душенька, петь, — это ещё тебе рано; ты не гимназист III класса». Таких гувернанток многое множество на Руси...

В последней, 5-й тираде мой педагог отец Э—рский сам уже себя пошибает. Под № 4-м он упрекал меня за усердие как можно более сообщить сведений; а здесь обвиняет в том, что я «мало дал сведений и ограничился-де *односторонними* (что это такое) сведениями о церковном богослужении». Не умеет отец Э—рский говорить о предмете, не уклоняясь в сторону и не впадая в противоречия! Решитель судеб книг поучает: «элементарный курс вероучения и нравоучения христианского имеет целию сообщить основные религиозные сведения по всем предметам, входящим в состав закона Божия.... должен сообщить *все* существенные истины веры и нравственности христианской, например, о любви к ближнему, о милостыне»

и тому подобное. О том, что должно входить в состав элементарного курса по закону Божию, у нас столько существует мнений и такая идёт на счёт этого путаница, что решительно толку не найдёшь. Возьмём в пример самого отца Э—рского. На каком, например, основании он вычёркивает из элементарного курса начальное изъяснение богослужения и предлагает сообщать все существенные истины веры и нравственности? И опять — на каком основании в число основных истин нравоучения помещает он учение о милостыне? Почему же в таком случае не помещает учения о кротости, посте и всякой другой добродетели христианской? Отец Э—рский, как оказывается, сам об элементарном курсе закона Божия имеет смутное, сбивчивое понятие. Хочет толковать о милостыне, а о богослужении не упоминает, тогда как богослужение церковное всего ближе крестьянской семье. Отец Э—рский боится, чтобы от изъяснения богослужебных действий и обрядов в детях не развилась одна внешность без духа, фарисейство, ханжество. Удивительно! Объяснение богослужения имеет целью оживить обряд, вдохнуть в него жизнь и значение, а отец Э—рский толкует при этом о фарисействе и ханжестве. Полюбуйтесь, читатели, назиданиями честного отца!

с. 36

Но довольно. Измышлённые отцом Э—рским 5 номеров не выдерживают критики. У самого его ещё не выработалось правильного взгляда на преподавание закона Божия в начальной школе. Видно только, что ему захотелось порисоваться пред публикой, показать себя ведуном своего рода в произнесении суда над книгами, и оказался сам очень мало знакомым с настоящим положением начальных училищ и семьями православных крестьян. В моих читателях его извития словес вызвали бы только улыбку, потому что польза моей книжки и значение её для семьи свидетельствуется фактически и признаётся неоспоримою. Сказать, что моя книжка не пригодна ни для семьи, ни для школы, ввиду добрых отзывов о ней журнальных, ввиду отзывов лиц компетентных в учебном деле, ввиду засвидетельствования пользы её от самых семейств, значит сказать, очертя голову.

С изданием нормальных программ, Высочайше утверждённых для начальных школ, кажется, все рассуждения, подобные рассуждениям отца Э—рского, о том, что должно входить в состав начального курса по закону Божию, должны умолкнуть. И слава Богу, что полагается предел всякому произволу и велеречию. Пусть не сетует на меня отец Э—рский. Он бросил в меня перчатку, — я должен был подставить ему зеркало.

Священник Александр Свирелин.